

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23>

UDC 81.161.1'366
LBC 81.411.2-21

Submitted: 27.08.2017
Accepted: 27.10.2017

ON DEVELOPMENT OF RUSSIAN MORPHOLOGICAL SYSTEM¹

Maria V. Shulga

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a fair judgment on scientifically established statements about strengthening of analytical trends in the grammatical base of the Russian language, about co-realization of standard grammatical categories of word form changeability in a pair with dynamic growth of word classes with the unchangeable paradigm of word forms. The diachronic approach and retrospective method of analysis helped collect the facts from the history of Russian grammar and check vectors of grammatical system development, which gave the way for refuting the statement about the diachronic stability in the system of form changeability in grammatical classes of words. It is stated that Russian has kept and is still developing a synthetic trend, which is supported with special formal means. It is proved with the samples that point to the growth of synthetic ways in grammatical meaning realizations. However, the author highlights some novel trend in part of speech constriction, that is, new grammatical categories, non-standard means in grammatical meaning representation, in particular, the appearance of complex synthetic language forms that demonstrate co-inclusion of analytical and form-building features in the Russian word paradigm. Deep consideration of the facts stated in the article results in the conclusion that a trend of compound grammatical co-realization can't be called a general vector of morphological system development towards analytical form building, it's one of the way that is registered in grammatical system of the Russian language.

Key words: language typology, morphological system, Russian language, morphological system of Russian, synthetic forms, analytical forms, trends of morphological system development.

Citation. Shulga M.V. On Development of Russian Morphological System. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 4, pp. 232-242. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23>

УДК 81.161.1'366
ББК 81.411.2-21

Дата поступления статьи: 27.08.2017
Дата принятия статьи: 27.10.2017

О ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ¹

Мария Владимировна Шульга

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье критически осмысливаются утвердившиеся в науке положения об усилении аналитических тенденций в грамматическом строе русского языка, о стабильности в русском языке грамматических категорий изменяемых слов на фоне динамичности разрядов неизменяемых слов. Рассмотрев языковой материал с позиций диахронической лингвистики и с применением методов ретроспективного анализа, автор приходит к выводу о том, что факты истории русского языка и тенденции развития его грамматической системы в диахронии не подтверждают стабильности изменяемых частей речи. Показано также, что русский язык в ходе исторического развития сохранил и существенно расширил свои синтетические возможности и

арсенал синтетических средств. Охарактеризованы процессы, которые оказывают типологическое воздействие на русский язык, меняют способы выражения грамматических значений и увеличивают степень его синтетичности. Описаны способы формирования новых частей речи, новых грамматических категорий, способы выражения новых грамматических значений, развитие синтетических единиц выражения на основе аналитических и словообразовательных средств. Утверждается, что параллельное существование в системе языка аналитических форм, а также их развитие не дают достаточных оснований говорить о тенденции к аналитизму как о векторе развития грамматической системы русского языка.

Ключевые слова: типология языка, морфологический строй, русский язык, морфологический строй русского языка, синтетические формы, аналитические формы, тенденции развития морфологической системы.

Цитирование. Шульга М. В. О векторе развития русской морфологической системы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 232–242. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23>

Введение

Лингвисты практически единодушны в том, что теоретические положения о языке должны проверяться историей языка. Однако характерно иное: наблюдения, сделанные на материале современного языка, недостаточно критически обобщаются и связываются с тенденциями (закономерностями) развития языка. Мы остановимся здесь на популярном в современной лингвистике тезисе о движении русского языка к аналитизму.

На шкале синтетичности Джозефа Гринберга [Гринберг, 1963] современный русский язык характеризуется индексом 2,39: на русский текст, состоящий из 100 слов, приходится в среднем 239 морфем. Этот показатель характеризует русский язык как язык синтетического строя; к аналитическим языкам условно относят языки с индексом от одного до двух.

Каков уровень синтетичности русского языка по сравнению с другими языками? Довольно высокий. Достаточно сказать, что от немецкого языка, пограничного между аналитическими и синтетическими языками, русский язык отделяют 42 морфемы на 100 слов (индекс синтетичности немецкого языка 1,97), а от типичного аналитического английского языка русский язык отделяет 71 морфема на 100 слов (индекс синтетичности английского языка 1,68). При этом аналитический английский язык по своим показателям (168 морфем на 100 слов) ближе к супераналитическому изолирующему вьетнамскому языку (109 морфем на 100 слов – разница 59 морфем), чем к русскому языку (разница 71 морфема).

При этом классический санскрит, нормы которого описаны в «Восьмикнижии»

Панини уже в V–IV вв. до нашей эры, стоит почти рядом с русским. Его индекс синтетичности 2,59, всего на 0,2 больше, чем у современного русского языка. Другими словами, степень синтетизма современного русского языка составляет 92,3 % по отношению к степени синтетизма родственного индоевропейского языка, отдаленного на две с половиной тысячи лет.

Показатели синтетизма для разных языков в научной литературе несколько варьируются, что зависит, видимо, от исходных текстов и методики исчисления. Однако в отношении русского языка они варьируются обычно в сторону увеличения. Например, по некоторым подсчетам (данные приведены по: [Зарецкий, 2008]) индекс синтетичности русского языка устанавливается в пределах 2,45–3,33. Примечательно при этом, что древнецерковнославянский язык характеризуется более низким индексом синтетичности, чем современный русский язык, – 2,29.

Таким образом, по способам экспликации грамматических значений – соединению в одном слове лексической и грамматической семантики – современный русский язык характеризуется как язык с выраженной синтетичностью.

Какие явления в русском языке оказывают на него типологическое воздействие, меняют способы выражения грамматических значений и степень его синтетичности?

В советских лингвистических исследованиях было чрезвычайно востребовано беглое замечание В.И. Ленина: «Русский язык прогрессирует в сторону английского» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44, М., 1970. С. 503). Однако, как справед-

ливо указал К.С. Горбачевич, это высказывание было сделано относительно развития аббревиатур (*ВЦИК, РВС, ГОЭЛРО, губком, совнарком* и т. п.) и «вряд ли В.И. Ленин имел в виду глубинные преобразования в самом грамматическом строе русского языка» [Горбачевич, 1990].

При описании аналитических тенденций в современном русском языке исследователи обычно ссылаются на авторитет В.В. Виноградова [Виноградов, 1947] и М.В. Панова [Панов, 1999].

Усиление аналитических тенденций нередко представлено в качестве лингвистической универсалии. Как «ключевое явление аналитизма» обычно рассматривается неизменяемость [Бондаревский, 2010].

Исследователи отмечают также рост сочетаний существительных с предлогом, глагола с частицами, аналитических глаголов [Клобуков, 2001], аналитических прилагательных [Крысин, 2001]. П.А. Лекант говорит о формировании предикатива со связкой *быть* – единственной части речи, имеющей аналитическое строение [Лекант, 2008, 2011]. Е.А. Брызгунова обращает внимание на расширение функций общей интонации, а именно на возможность реализации вопроса без вопросительного слова: *Ты одолжишь мне пятьсот рублей?* [Брызгунова, 2014].

Как «аналитическое усилие современного русского языка» рассматривают также формирование словообразовательных типов «префиксоид + слово», аналитичных по своей природе [Сенько, 2014]; «экспансию композитов» с грамматически невыраженными синтаксическими отношениями между их составляющими типа *пемолюкс гель сода эффект* [Петрухина, 2010].

Реже встречаются работы, ставящие под сомнение существование универсалии к усилению аналитизма и наличие такой тенденции в грамматической системе современного русского языка [Воротников, 2001; Дубова, 2002; Тираспольский, 1981; Тукова, 2014 и др.].

В целом разделяя общую позицию последних, мы считаем важным рассмотреть данную проблему с исторической точки зрения. Морфологические процессы развиваются медленно, и только ретроспективный взгляд позволяет понять их смысл, определить

основные векторы движения грамматической системы.

В статье комментируется с типологической точки зрения тот путь, который на протяжении обозримого исторического периода прошла морфологическая система русского языка, явив при этом возможности синтетизма: 1) формирование новых частей речи; 2) формирование новых грамматических категорий; 3) развитие новых грамматических значений; 4) развитие арсенала синтетических грамматических средств.

1. Формирование новых частей речи (имени прилагательного и имени числительного)

1.1. Разграничение предметных и признаков слов в ранней грамматической системе осуществлялось по принципу аналитических языков. *Добро, лихо, право* склонялись одинаково и употреблялись в соответствии с синтаксической позицией – определяемого или определяющего.

При формировании прилагательного как особой части речи в его противопоставлении имени существительному происходило преобразование аналитических форм в синтетические: слияние именных форм с указательным местоимением *и*:

добръ+и → *добрыи*, *добро+к* → *доброк*, *добра+а* → *добраа*.

Этот процесс значительно расширил состав синтетических форм и усилил позиции синтетизма в системе форм имени.

1.2. История формирования особой части речи на лексической основе счетных слов и словосочетаний (имени числительного) – это большая созидательная работа грамматической системы и актуализация разнообразнейших синтетических средств.

На протяжении веков на месте нескольких стандартных именных парадигм – местоимений (*дѣва, оба*), прилагательных (*трик, четыре*) и существительных женского рода (*пѣть, шесть, седьмь, осмь, девѣть*), мужского рода (*десѣть, сорокъ*), среднего рода (*сѣто*)

– вырабатываются новые уникальные парадигмы: *двух, трех, четырех; ста, сорока;*

– появляются новые флексии: *двумя, тремя, четырьмя*;

– появляется новый комплекс грамматических категорий – изменение по падежам; отсутствие изменения по числам и родам;

– появляется новый тип синтаксических связей, соединяющий управление с согласованием;

– появляются особые синтаксические структуры с двойным согласованием в конструкциях типа *два больших стола*.

На основе сочетаний с разнотипными синтаксическими связями пополняется лексический состав новой формирующейся части речи: *поль вътора* (Р. ед.) → *полтора*; *одинъ на десѣте* (М. ед.) → *одиннадцать*; *дѣва / дѣвѣ* (дв. ч.) *на десѣте* → *двенадцать*; *трик* (мн. ч.) *на десѣте* → *тринадцать*; *четыре* (мн. ч.) *на десѣте* → *четырнадцать*; *пѣть* (ед. ч.) *на десѣте* → *пятнадцать*; *дѣва десѣти* (И. дв.) → *двадцать*; *трик десѣте* (И. мн.) → *тридцать*; *пѣть десѣтъ* (Р. мн.) → *пятьдесят*; *три съта* (И. мн. ср.) → *триста*; *шесть сътъ* (Р. мн.) → *шестьсот*.

На теме числительных необходимо остановиться особо, поскольку в современных грамматических описаниях история числительных безоговорочно рассматривается как явный случай укрепления аналитизма, упрощения системы склонения (см.: [Гловинская, 2008] и мн. др.).

При этом имеется в виду, что у числительных постепенно формируется двухпадежная парадигма, включающая только противопоставление формы прямых падежей форме косвенных падежей: *сто – ста*. Действительно, в современном русском языке система падежных оппозиций у числительных *сорок* и *сто* стала проще даже по сравнению с системой XIX века. Но можно ли при этом говорить об упрощении грамматической системы, о проявлении тенденции к аналитизму? На наш взгляд, это поверхностный, арифметический, подход к проблеме. Ведь парадигмы, в которые входили слова *сорок* и *сто*, остались (ср. *стол* и *окно*), а в системе языка появилась две совершенно новые уникальные парадигмы. Они дополнили имеющийся набор словоизменительных парадигм, то есть дополнили систему синтетических форм современного русского языка.

На наших глазах формируется еще одна специфическая парадигма: особая система форм у количественного существительного *тысяча* со специфической для склонения на *а* флексией Тв. п. *ью*: *тысячью*.

Основные новообразования в формах современных числительных связаны со взаимным уподоблением их форм. Взаимная унификация форм – это обычный механизм, инструмент грамматикализации актуализирующегося значения (см. об этом подробно в [Шульга, 2003]), в данном случае – значения отвлеченного количества.

Омонимия форм Р.–Д.–П. *ста, сорока* – это частичное уподобление по системе падежных оппозиций числительным типа *полтора, пять, одиннадцать, тридцать*.

Иногда отмечаемые исследователями в современной речи формы типа *сорокью, четырьью* (сюда следует также добавить широко распространенное и даже уже нормативное *тысячью*) – это уподобление числительным типа *пять, одиннадцать, тридцать* по форме Тв. п.: *сорокью, как десятью*.

Другое направление взаимной унификации форм счетных слов демонстрируют формы *двуми, пятьми, шестью, десяти*. Здесь обобщена историческая модель *трѣми, четырьѣми*, в современной системе, возможно, поддерживаемая формами *двумястами, тремястами, четырьмястами, пятьюстами, шестьюстами, семьюстами, восемьюстами, девятьюстами*.

Числительные стоят вне категории числа, в их парадигме свободно сочетаются разные по происхождению числовые формы: ед. ч. *пяти*, мн. ч. *трех*, дв. ч. *тремя*. Поэтому *четырьью* (ед. ч.) и *четырьѣми* (мн. ч.) с позиций системы языка вполне равноценны (аналогично: *восьмисот* и *восьмиста*).

Контаминация разных числовых флексий также представлена в формах числительных – в современных литературных формах *двумя, тремя, четырьмя*. Они возникли как унификация исторических форм дв. ч. на *ма* (*дѣвѣма, обѣма*) и форм мн. ч. на *ми* (*трѣми, четырьѣми*). Аналогичный результат демонстрируют отмеченные в современной речи формы *четырьью, двумями, тремями*.

Одно из активнейших направлений в становлении числительных как части речи – это

расширение их состава. Поэтому о «высшей степени лексикализации» здесь говорить вряд ли уместно. Напротив, мы наблюдаем движение от единичных действительно лексикализованных форм (их было чуть больше десятка) к регулярным грамматическим рядам. На основе словосочетаний, то есть преобразования аналитических форм в синтетические, как уже было сказано, возникли новые обозначения чисел: *полтора* (из *поль вѣтора*), 11–19 (из *одинъ на десѣте* и под.), 20 (*дѣва десѣти*), 30 (*трикъ десѣте*), 50 (*пять десѣть*), 60, 70, 80, 200 (*дѣвѣ сътъѣ*), 300 (*три съта*), 400 (*четыри съта*), 500 (*пять сътъ*), 600, 700, 800, 900.

Этот процесс продолжается. В современной речи как его проявления можно распознавать употребления типа: *свыше пятьсот солдат*; *более семьсот новобранцев* (вместо *пятисот*, *семисот*). Здесь устранена внутренняя флексия – результат исторической расчлененности данных образований. Этот путь одолели современные названия чисел от 11 до 19 и названия чисел 20, 30, у которых первая часть не изменяется при склонении: Р. *пятнадцати* (из *пѣти на десѣте*), *двадцати* (из *дѣвою десѣту*), *тридцати* (из *трии десѣть*). Возможно, этот процесс затрагивает и составные названия чисел типа 552: *с пятьсот пятьдесят двумя солдатами* (вместо *пятьюстами пятьюдесятью*). Такие числительные развиваются в направлении внутренней нечленности. Определенную аналогию можно видеть в традиции писать слитно (в одно слово!) составные числительные в немецком языке: 33 – *drei* (3) *und* (и) *dreißig* (30) = *dreiunddreißig*; 91 – *ein* (1) *und* (и) *neunzig* (90) = *einundneunzig*. В одно слово пишется даже 2445 – *zweitausendvierhundertfünfundvierzig*.

В завершение этой темы подчеркнем, что в истории русского имени числительного (вплоть до наших дней) нет места проявлениям аналитизма. Напротив, здесь представлены синтетические усилия и разнообразнейшие синтетические возможности языковой системы. Это активный, продолжающийся в современной речи процесс. Результатом этих усилий и явленных новых возможностей становится развитие и усложнение грамматической системы, а не ее упрощение.

2. Формирование новых именных и глагольных грамматических категорий

2.1. В системе форм существительных, наряду с тремя традиционными грамматическими категориями рода, числа и падежа, сформировалась новая грамматическая категория – категория одушевленности / неодушевленности. Она получила регулярный и обязательный характер, проявляется в формах самих существительных и в формах согласуемых с ними слов. При этом выражается новая именная категория синтетически – через оппозицию падежных форм.

Падежная оппозиция как дополнительное средство выражения значений рода и числа использовалась в системе древнерусского языка (см.: [Шульга, 2003, 2017]), но в ходе формирования категории одушевленности / неодушевленности падежная оппозиция становится основным средством выражения нового обязательного грамматического значения. Таким образом, формирование новой грамматической категории потребовало актуализации грамматического средства синтетического свойства.

2.2. Исследователи обычно ссылаются на утрату сложной системы глагольных форм как на отправную точку аналитических тенденций в развитии русского глагола (отчасти иначе см.: [Кудинова, 2008]), упуская из виду тот факт, что были утрачены не только синтетические глагольные формы (аорист, имперфект), но и аналитические формы (перфект, плюсквамперфект). При этом появились новые синтетические временные формы – форма будущего времени типа *напишу* и форма прошедшего времени *написал*.

Указывают также на аналитический способ выражения значения лица в системе современных глагольных форм прошедшего времени глагола: *я писал*. Однако этот аналитический способ заместил аналитическую же древнюю форму *писаль есмь*, он не повлиял на соотношение аналитических и синтетических глагольных средств.

При этом игнорируется тот факт, что важнейшее место в системе форм современного глагола составляют категории вида и

залога. Именно эти относительно новые грамматические категории (и только они) охватывают все многообразие глагольных форм. Грамматические значения вида и залога выражены *синтетически* в каждой глагольной форме.

Категория залога сформировалась на основе *аналитических* глагольных форм с частицей *с* местоименного происхождения.

Формирование грамматической категории вида на лексико-семантической базе способов глагольного действия сопряжено с развитием многообразных *синтетических* грамматических средств – аффиксации и чередований в основе. Категория вида вовлекла в выражение регулярного грамматического значения словообразовательные морфемы, которые до этого в выражении грамматических значений не участвовали, – приставки и суффиксы.

Особо популярная тема для исследования глагольных аналитических тенденций – наличие в русском языке двувидовых глаголов типа *жениться, исследовать, атаковать, дублировать, конфисковать*. Преимущественно это глаголы иностранного происхождения, и их состав пополняется за счет новых заимствований. Однако вектор их *грамматического* развития направлен в сторону видовой парности. Так, Е.В. Петрухина констатирует, что «в современном русском языке наблюдается устойчивая тенденция к включению двувидовых глаголов, в основном иностранного происхождения, в системные видовые оппозиции и к формальной дифференциации видовых значений» [Петрухина, 2009, с. 83–84]. В результате префиксации двувидового глагола и образования видовой пары мотивирующий двувидовый глагол теряет двувидовость и переходит в разряд глаголов несовершенного вида: *демонстрировать – продемонстрировать, анализировать – проанализировать, комментировать – прокомментировать*. При этом Е.В. Петрухина справедливо отмечает, что те же двувидовые глаголы охарактеризованы по виду в причастных и деепричастных формах, где суффиксы служат формальными показателями вида (*исследовать: исследующий – исследованный, исследуя – исследовав; атаковать: атакуемый – атакованный, атакуя – атаковав*).

Нерегулярность в проявлении грамматических признаков глагольного вида (непарные, двувидовые глаголы) – это следствие того, что данная сравнительно молодая грамматическая категория находится в стадии активного становления. Мы наблюдаем регуляризацию средств выражения вида, а не деструктивные процессы.

В целом история глагола не дает оснований для вывода о росте аналитических тенденция.

3. Развитие новых грамматических значений

В системе именных форм были утрачены грамматические значения двойственного числа, особая форма звательного падежа. Однако сформировались и новые грамматические значения на основе синтетических способов.

У существительных это родительный принадлежности, обозначающий лицо, которому принадлежит что-либо (сынъ *Ярославль* → сынъ *Ярослава*); родительный партитивный (сорта *чая* – чашка *чая / чаю*); местный падеж на *у*, противопоставленный другим значениям предложного падежа (*в лесу – о лесе*).

У местоимений это форма третьего лица *он, оно, она, они* и соотносительные с ними притяжательные формы на базе синтетических средств – форм родительного падежа *его, ее, их*.

У прилагательных возникла форма превосходной степени типа *старейший*.

У глаголов появилась форма будущего времени типа *напишу*.

Унификацию субстантивных парадигм (формирование современных трех склонений на базе шести типов именных основ) обычно рассматривают как бесспорный пример развития аналитизма. Однако здесь можно говорить только о сокращении синонимии синтетических средств – возможно, о движении в сторону агглютинации, но не аналитизма. Падежные значения по-прежнему выражаются синтетически, и даже развитие предлогов не замещает синтетические способы их выражения – предлоги свидетельствуют о чрезвычайной нагруженности падежных значений

и служат дифференциации синтетических падежных форм.

4. Развитие синтетических грамматических средств

4.1. Набор грамматических средств в языке весьма ограничен. Поэтому расширение состава синтетических средств, формирование новых *синтетических* средств на базе *аналитических* и *словообразовательных* элементов весьма показательны для характеристики вектора развития грамматической системы русского языка.

Здесь отметим те новые или функционально переосмысленные средства синтетического свойства, которые мы отчасти уже называли, комментируя формирование новых частей речи, новых грамматических категорий и новых грамматических значений:

- местоимение *и* во всех его формах трансформируется в падежные флексии при формировании прилагательных как части речи; при этом оно сохраняется и как собственно местоименная форма;

- местоимение *с* трансформируется в аффикс, оформляющий грамматические значения залога;

- новые, не известные ранее окончания возникают при формировании числительного как части речи;

- новые парадигмы формируются при становлении числительного как части речи;

- получает распространение внутренняя флексия, связанная или не связанная с «внешней» флексией;

- новый тип синтаксической связи с сочетанием управления и согласования в парадигме возникает при формировании числительного как части речи;

- падежная оппозиция получает статус основного средства выражения грамматических значений категории одушевленности / неодушевленности;

- приставки становятся средством выражения значений совершенного вида и будущего времени;

- суффиксы становятся средством формирования противопоставления глаголов по виду.

Таким образом, русский язык постоянно в процессе своего развития пополняет арсе-

нал грамматических средств *синтетического* свойства.

4.2. Усложняется морфологическая структура флективных форм. По отношению к падежной словоформе об этом можно говорить в связи с тенденцией к вычленению показателя множественности в формах имен существительных на базе флексий И.–В. *-а* и флексий косвенных падежей *-ам*, *-ами*, *-ах*: *поля, полям, полями, о полях; города, городам, городами, о городах*. Здесь *-а* проявляет себя как своеобразный аффикс. Его вычленение у существительных реализуется в виде тенденции. Некоторыми лингвистами наличие такой тенденции оспаривается. Тем не менее в формах у согласуемых слов процесс затрагивает все формы без исключения при всем их многообразии. Например: *те – тех, одни – одних, мои – моих, новые – новых*. Следовательно, сформировалось новое – синтетическое по своей природе и грамматическое по функции – средство выражения числовых отношений. В результате этого морфемная структура формы мн. ч. усложнилась.

Для языков синтетического строя характерен такой способ выражения грамматических значений, как супплетивизм. Важно отметить, что русский язык не только сохранил супплетивные отношения типа *я – меня, ухо – уши*, но и расширил сферу приложения этого грамматического средства. Имеются в виду следующие инновации в падежной парадигме:

- *он – его, она – ее, они – их* на основе совмещения парадигм указательного местоимения *онъ* (именительный падеж) и указательного местоимения *и* в формах косвенных падежей;

- *оба – обоих* на основе совмещения форм количественного местоимения *оба* (именительный и винительный падежи) и собирательного местоимения *обои* (непрямые падежи);

- аналогично сложилась парадигма *два – двоих*: на основе совмещения форм количественного местоимения *два* (именительный и винительный падежи) и собирательного местоимения *двои* (непрямые падежи);

- *брат – братья, зять – зятья; дерево – деревья, полено – поленья* на основе совмещения парадигм конкретных существительных и собирательных существительных *братия, зятя; деревие, поление*.

4.3. Нельзя не прокомментировать также динамику морфонологических чередований. В.Б. Касевич отмечает, что «существуют устойчивые связи между типом языка и развитостью его морфонологии. ...Удельный вес морфонологических явлений, их “представленность” в системе языка убывают от флективного типа к изолирующему» [Касевич, 1986, с. 143–144].

В научной литературе имеются некоторые характеристики степени морфонологической сложности современного русского языка, сделанные на основе описания лексического состава русского языка.

Так, по информации словарного сервера компании Яндекс, в компьютерном словаре на девяносто тысяч слов, используемом в системе Яндекс, «примерно четверть слов имеет чередования, которые не позволяют найти слово по шаблонам: (*искать* – *ищу*, *окно* – *окон*, *расти* – *рос...*)» [Колмановская].

Более подробные данные содержит исследование О.В. Кукушкиной, осуществленное на материале «Грамматического словаря русского языка» А.А. Зализняка. В словаре языковые единицы описываются с помощью приблизительно девяноста основных образцов (типов спряжений и склонений с учетом схем ударения и разных тематических глагольных гласных). Это число характеризует степень унифицированности грамматических средств русского языка.

Однако эти девяносто образцов охватывают только 63,3 % изменяемых слов. Подсчеты О.В. Кукушкиной показали, что остальные 36,7 % единиц словника «Грамматического словаря русского языка» нуждаются «в описании с помощью дополнительных помет», которые должны указывать на нерегулярные явления, возникающие при словоизменении: на слова с чередованием, аномальным, дефектным или вариативным изменением [Кукушкина, 1997].

Таким образом, анализ лексического состава выявляет высокую степень морфонологической сложности русского языка. Большие расхождения в конкретных цифрах – от 25 % до 36,7 % – связаны, по-видимому, с характером исходного материала. В системе Яндекс считается удельный вес слов с морфонологическими чередованиями по отношению ко всему словнику, в исследовании О.В. Ку-

кушкиной – по отношению к изменяемым словам, зафиксированным в «Грамматическом словаре русского языка».

В тексте, в речи, морфонологические чередования представляют, по нашим подсчетам, даже более частотное явление, чем в парадигматике. Это связано с тем, что морфонологические чередования свойственны, как правило, исконной русской (не заимствованной) лексике, словам общеупотребительным и частотным.

В ходе исторического развития русский язык приспособил старые не функциональные чередования к выражению новых грамматических значений. Например, чередование [г] // [ж] может различать несовершенный и совершенный вид глаголов: *избегать*, *прибегать*, *убегать* и *избежать*, *прибежать*, *убежать*; аналогично эти же два видовые значения глагола в некоторых случаях различаются чередованием в корне гласной [и] с нулем: *собирать* – *собрать*, *называть* – *назвать*, или чередованием сочетаний [им], [ин] с нулем: *выжимать* – *выжать*; чередованием [о] и [а]: *оспорить* – *оспаривать*.

Русский язык также существенно пополнил репертуар морфонологических средств, унаследованных из праславянского языка. Морфонологические чередования широко используются не только в выражении видовых отношений глаголов, но и в выражении числовых отношений существительных: *сосед* – *соседи*, *сын* – *сыновья*, *небо* – *небеса*, *опенок* – *опята* и др.

Новые функции появляются у такого морфонологического средства, как ударение. У слов с подвижным ударением формируется тенденция к «колонности» ударения при противопоставлении форм ед. и мн. числа существительных.

Заключение

Приведенные факты свидетельствуют о том, что русский язык в ходе исторического развития сохранил и существенно расширил свои синтетические возможности и арсенал синтетических средств.

Отправной точкой для рассуждений о росте аналитизма в грамматическом строе

современного русского языка является представление о том, что «категории полных слов стабильны», а «разряды формальных слов подвижны, активно развиваются, пополняются. Соответственно развиваются, усложняются аналитические формы полных слов» [Лекант, 2014, с. 205]. Варианты: увеличивается удельный вес неизменяемых форм по сравнению с изменяемыми, предложных конструкций по сравнению с беспредложными и под.

Уроки исторической грамматики не дают ни малейшего повода говорить о стабильности по отношению к изменяемым частям речи. Напротив, они свидетельствуют об активном развитии грамматических значений, категорий и форм, о формировании в русском языке новых грамматических средств, синтетических по своей структуре.

Параллельное существование в системе языка и даже развитие новых аналитических форм еще не свидетельствует о тенденции к аналитизму как о векторе развития грамматической системы русского языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на Седьмых Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях (Рим–Милан, 6–11 февраля 2017 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаревский Д. В., 2010. Неизменяемость – ключевое явление аналитизма // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (188). С. 8–12.
- Брызгунова Е. А., 2014. Основные различия предложений синтетической и аналитической структуры // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). М. : Изд-во Московского университета. С. 284.
- Виноградов В. В., 1947. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. ; Л. : Учпедгиз. 785 с.
- Воротников Ю. Л., 2001. Грамматический статус аналитических форм компаратива в русском языке // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М. : Индрик. С. 85–92.
- Гловинская М. Я., 2008. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур. С. 187–270.
- Горбачевич К. С., 1990. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. № 2. С. 70–80. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/gorbachevich-90.htm>.
- Гринберг Дж., 1963. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М. : Прогресс. С. 60–94.
- Дубова О. А., 2002. Типологічна еволюція морфологічних систем української і російської мов. Київ : Видав. центр КНЛУ. 302 с.
- Зарецкий Е. В., 2008. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет». 564 с.
- Касевич В. Б., 1986. Морфонология. Л. : Изд-во Ленинградского университета. 169 с.
- Клобуков Е. В., 2001. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М. : Языки славянской культуры. С. 77–87.
- Колмановская Е. Полнотекстовые поисковые системы с учетом морфологии русского языка Internet и Intranet. URL: <http://bourabai.ru/dbt/seo/yandex.htm>.
- Крысин Л. П., 2001. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М. : Языки славянской культуры. С. 189–196.
- Кудинова В. И., 2008. Аналитические тенденции в современных русском и немецком языках // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 2. С. 212–216.
- Кукушкина О. В., 1997. Словарная база данных «Грамматический словарь русского языка А.А. Зализняка» и некоторые результаты ее исследования. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/db_zalzn.htm.
- Лекант П. А., 2008. Категорияльный статус связки *быть* // Наследие академика Ф.И. Буслаева: история и современность. Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского. С. 12–16.
- Лекант П. А., 2011. Тенденция роста аналитизма в грамматическом строе современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Т. 2, № 6. С. 23–29.
- Лекант П. А., 2014. Рост аналитизма в грамматическом строе современного русского языка

- // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). М. : Изд-во Московского университета. С. 205–206.
- Панов М. В., 1999. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука ; Языки русской культуры. 275 с. (Studia Philologica).
- Петрухина Е. В., 2009. Русский глагол: категории вида и времени. М. : МАКС Пресс. 208 с.
- Петрухина Е. В., 2010. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : докл. XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М. : Изд-во Московского университета. С. 424–443.
- Сенько Е. В., 2014. Аналитическое усилие современного русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 143.
- Тираспольский Г. И., 1981. Становится ли русский язык аналитическим? // Вопросы языкознания. № 6. С. 37–49.
- Тукова Т. В., 2014. Усиление синтетизма грамматического строя современного русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). М. : Изд-во Московского университета. С. 212–213.
- Шульга М. В., 2003. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М. : Изд-во Московского государственного университета леса. 304 с.
- Шульга М. В., 2017. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М. : Индрик. 196 с.
- Moscow, Moscow University Publ., p. 284. (in Russian).
- Vinogradov V.V., 1947. *Russian language: Grammatical teaching of the word*. Moscow; Leningrad, Uchpedgiz Publ. 785 p. (in Russian).
- Vorotnikov Yu.L., 2001. Grammatical status of analytical forms of comparative in the Russian language. *Slovar i kultura russkoy rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 85-92. (in Russian).
- Glovinskaya M.J., 2008. Active processes in the grammar. Krysin L.P., ed. *Sovremennyy russkiy yazyk. Aktivnye processy na rubezhe 20–21 vekov*. Moscow, Yazyki slavyznskikh kultur Publ., pp. 187-270. (in Russian).
- Gorbachevich K.C., 1990. Can we predict this? (On the future of the Russian language). *Rusistika*, no. 2, pp. 70-80. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/gorbachevich-90.htm>. (in Russian).
- Grinberg Dzh., 1963. Quantitative approach to the morphological typology of languages. *Novoe v lingvistike*, iss. III, Moscow, Progress Publ., pp. 60-94. (in Russian).
- Dubova O.A., 2002. *Typological evolution of morphological systems of the Ukrainian and Russian languages*. Kyiv, Vydav. tsentr KNLU. 302 p. (in Ukraine).
- Zaretskiy E.V., 2008. *Impersonal constructions in Russian: cultural and typological aspects (in comparison with English and other Indo-European languages)*. Astrakhan, Izd-vo AGU. 564 p. (in Russian).
- Kasevich V.B., 1986. *Morphology*. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 169 p. (in Russian).
- Klobukov E.V., 2001. Analytical verbs in the Russian language. *Zhizn yazyka: sb. st. k 80-letiyu M.V. Panova*. Moscow, Yazyki slavyznskoj kultury Publ., pp. 77-87. (in Russian).
- Kolmanovskaya E. *Full-text search system based on the morphology of the Russian language Internet and Intranet*. URL: <http://bourabai.ru/dbt/seoyandex.htm>. (in Russian).
- Krysin L.P., 2001. New analytical adjectives and the phenomenon of hiatus. *Zhizn yazyka: sb. st. k 80-letiyu M.V. Panova*. Moscow, Yazyki slavyznskoj kul'tury, pp. 189-196. (in Russian).
- Kudinova V.I., 2008. Analytical trends in contemporary Russian and German. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian Sciences], no. 2, pp. 212-216. (in Russian).
- Kukushkina O.V. *Dictionary database "Grammatical dictionary of Russian language of A.A. Zaliznyak" and some of the results of its study*. URL: <http://>

REFERENCES

- Bondarevskiy D.V., 2009. Immutability is a key phenomenon of analytism. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], no. 7 (188), pp. 8-12. (in Russian).
- Bryzgunova E.A., 2014. The Main differences of the offers of synthetic and analytical structures. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy V Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka*.

- www.philol.msu.ru/~lex/articles/db_zalzn.htm.
(in Russian).
- Lekant P.A., 2008. Categorical status of the verb *byt* (to be). *Nasledie akademika F.I. Buslaeva: Istoriya i sovremennost*. Penza, PGPU im. V.G. Belinskogo, pp. 12-16. (in Russian).
- Lekant P.A., 2011. The tendency of growth of analitism in grammar of the modern Russian language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of MSRU. Linguistics]*, vol. 2, no. 6, pp. 23-29. (in Russian).
- Lekant P.A., 2014. The increase of analytism in the grammatical system of the modern Russian language. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy V Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 205-206. (in Russian).
- Panov M.V., 1999. *Positional morphology of the Russian language*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 152-162. (Studia Philologica). (in Russian).
- Petrukhina E.V., 2009. *Russian verb: the category of aspect and time*. Moscow, MAKS Press. 208 p. (in Russian).
- Petrukhina E.V., 2010. The features, functions and competitors of word derivation in the modern Russian language. *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie: dokl. II Mezhdunar. nauch. konf. Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 424-443. (in Russian).
- Senko E.V., 2014. Analytical effort of the modern Russian language. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy V Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 143. (in Russian).
- Tiraspol'skiy G.I., 1981. Is Russian an analytical language? *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, no. 6, pp. 37-49. (in Russian).
- Tukova T.V., 2014. Strengthening of synthesis of the grammatical structure of the modern Russian language. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy V Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 212-213. (in Russian).
- Shulga M.V., 2003. *The development of the morphological system of nominal categories in the Russian language*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 304 p. (in Russian).
- Shulga M.V., 2017. *Grammatical opposition in the history of the morphology of nominal categories*. Moscow, Indrik Publ. 196 p. (in Russian).

Information about the Author

Maria V. Shulga, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bld. 51, 119991, Moscow, GSP-1, Russia, shoulga@mail.ru, IstinaresearcherID (IRID): 2778936

Информация об авторе

Мария Владимировна Шульга, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 51, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, shoulga@mail.ru, IstinaresearcherID (IRID): 2778936